

Родители Пушкина

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 года, в достаточной дворянской семье. Дома у родителей он не получил хорошего воспитания. Отец Пушкина, Сергей Львович, был рассеянный светский человек, актер-любитель, охотник рассказывать анекдоты и собирать сплетни; он гордился своей славой остряка, умевшего сочинять каламбуры и экспромты. До старости он остался эгоистом, которому не было никакого дела до семьи. Жена его, Надежда Осиповна, внучка знаменитого «арапа Петра Великого» **Ганнибала**, тоже жила только интересами светской жизни. Как и муж, она не занималась ни хозяйством, ни детьми. Но, кроме того, она была вспыльчива и несправедлива, так, например, она с раннего детства невзлюбила будущего поэта, и эта «нелюбовь» сохранилась у неё навсегда. Дом родителей Пушкина представлял собой вечную толчею. Они были друзьями всей Москвы, и двери их квартиры были открыты для всех, «для званных и незванных, особенно из иностранных». Вечно запутанные в долгах, они являли собою пример полной безалаберности.

Детство Пушкина

Светлой чертой С. Л. Пушкина была любовь к литературе, у него была богатая библиотека, составленная из французских и русских писателей XVIII века. Эта библиотека сыграла большую роль в жизни его знаменитого сына: благодаря ей, Александр Пушкин еще в детстве познакомился с литературой XVIII столетия и рано взялся за перо: еще в родительском доме начал он сочинять подражания **Мольеру** и **Вольтеру**. Но особенно увлекала его «легкая поэзия» французов, с её жизнерадостными настроениями, веселым, не всегда приличным содержанием. Обладая с детства феноменальной памятью, Пушкин «выучил наизусть» всю эту литературу, оттого так сильны были её влияния на первых опытах его собственного творчества. Познакомился в детстве Пушкин и с произведениями русских писателей; некоторых он узнал даже лично: **И. И. Дмитриев**, **Н. М. Карамзин**, **В. А. Жуковский** посещали дом его отца. Но не только с книгами знакомился А. С. Пушкин, его няня Арина Родионовна рассказывала ему народные сказки, пела песни; она была хорошим знатоком пословиц, прибауток и сумела заинтересовать мальчика народной поэзией, заставила его с детства полюбить народное творчество. Арина Родионовна привязалась к забытому, нелюбимому ребенку и согрела его маленькое отзывчивое сердце своей любовью, спасла это сердце от раннего холода и озлобления. Сроднив его с простонародной поэзией, она защитила душу мальчика от того презрения к родине, которое было присуще многим людям того времени и которое было результатом нерусского

воспитания нашего дворянства. (Сам Пушкин уже в зрелом возрасте признавался, что, благодаря воспитанию, он французский язык всегда знал лучше русского.) На всю жизнь сохранил поэт детскую благодарность к своей старой няне. Зато француженки-гувернантки и французы-гувернеры совсем не сумели овладеть его «неуимчивой» натурой – и вот, не зная родительской любви, почти не ведая над собой контроля, он рос свободно и беспорядочно.

Пушкин в Царскосельском лицее

В 1811 году родители поместили его в Царскосельский лицей, тогда только что открытый. Здесь Пушкин занимался неровно, только тем, что его интересовало; педагогическим влияниям своих лицейских наставников он совсем не поддавался. С товарищами у него отношения были тоже непрочные. Вспыльчивый, неровный в обращении, то назойливый, то обидчивый он для многих из них остался навсегда человеком непонятым. Сблизился он только с **Пуциным** и **Дельвигом**, которые сумели под внешне не всегда симпатичной оболочкой открыть его любящее сердце. Они привязались к Пушкину, и он ответил на их чувства такой же неизменной любовью.

Особенное значение лицей имел для Пушкина в том отношении, что здесь окончательно сложились его литературные вкусы: он сделался центром литературного кружка тех товарищей, которые, как и он, пописывали стихи. Молодые поэты издавали и свои рукописные журналы. Чтение тоже процветало в лицее. Лицеисты выписывали все лучшие тогдашние журналы и следили за русской и иностранной литературой. Впрочем, Пушкин остался верен той «легкой» французской поэзии, с главными произведениями которой он ознакомился еще дома. Вот почему почти все его первые литературные опыты носят следы влияний этой фривольной поэзии.

Влияние Чаадаева на Пушкина

Пользуясь «свободой» лицейской жизни, Пушкин часто посещал общество царскосельских гусаров. Здесь он сблизился с Нащокиным и Кавериним, с ними он кутил и повесничал; в обществе гусаров подружился он и с **Чаадаевым**. Этот образованный человек, «философ-трезвенник», в веселом обществе гусаров был «загадкой». Пушкин заинтересовался им, и многие вечера провел в его кабинете, слушая либеральные речи этого «мудреца-мечтателя». Можно думать, что либерализм Чаадаева был чисто теоретическим, оторванным от жизни, тем не менее, он пленил Пушкина. Под влиянием его, Пушкин стал думать о том, чтобы «отчизне посвятить души высокие порывы», он стал мечтать, что наступит время, когда «заря пленительного счастья» разгорится на родине и воцарится «святая вольность». Вероятно, в таком же либеральном духе были

беседы Пушкина и сПуциным, который, еще лицеистом, сблизился с будущими декабристами.

Влияние Жуковского на Пушкина

В другом направлении влиял на Пушкина Жуковский. Его прекрасная, «кристальная», светлая душа действовала на мятежное, горячее сердце поэта успокаивающим образом; она просветляла его и воодушевляла к высокому и прекрасному. Сам Пушкин признавал, что нежный голос «певца **Светланы**» обладал способностью «утешать» его «безмолвную печаль», а иногда его, слишком «шумную, резвую, радость» смирял первой неясной «думой».

Жуковский имел влияние не только на его сердце, но и на творчество, он ввел Пушкина в интересы молодых передовых писателей, сгруппировавшихся в **литературном обществе «Арзамас»**. Этим он помог Пушкину скорее отделаться от французских псевдоклассических влияний.

Впечатление Пушкина от войн 1812-1814 г.

К событиям этой эпохи, отразившимся на творчестве Пушкина, надо отнести также **войну 1812 года**. Лицеисты провожали войска, уходившие на войну, и **в 1814 году встречали их победоносное возвращение**; император **Александр I**, «спаситель России и всей Европы», вызывал в их впечатлительной юной среде благоговение.

Молодой Пушкин

В личной жизни Пушкина событиями были различные сердечные увлечения, самые разнообразные, от мимолетных, легкомысленных до более глубоких, которые приводили жизнерадостного лицеиста-поэта в настроения то радостные, то элегические, то даже пессимистические.

9-го июня 1817 г. Пушкин кончил лицей и вступил в свет. Для жизни он был так же мало подготовлен, как и тогда, когда из родительского дома вступал в стены лицея: он оставался таким же неуравновешенным человеком, отзывчивым, впечатлительным, равно способным на добро и на зло, все под влиянием «минуты».

Русское общество той поры жило самыми пестрыми впечатлениями: теперь надвигалась уже **реакция**, но значительная часть общества жило еще **либеральными мечтами первых дней александровского царствования**, к тому же общество было еще взволновано патриотическим подъемом 1812 года. Эта несогласованность настроений уже выразилась в столкновениях правительства и общества. В литературе обозначилась такая же борьба между консерватизмом «**Беседы**» и либерализмом «Арзамаса». Кроме того, в широких кругах русского общества царил самый беззаботный разгул. Пушкин всей головой окунулся в политический и литературный либерализм эпохи и в то же время, с увлечением отдался свободной

жизни тогдашней «золотой молодежи». Поэт как бы старался обогатить себя самыми сильными и разнообразными впечатлениями. В его творчестве мы замечаем полное отражение его тогдашних интересов: он разбрасывает злые эпиграммы и памфлеты на тех деятелей, которые примкнули к реакции; он вместе с арзамасцами борется против членов враждебного литературного общества «Беседы»; он воспекает в своих стихах разгул, беззаботное веселье и легкомысленных красавиц. И рядом с этими гимнами в честь радостей жизни он знает и грустные чувства: какое-то «чистое» увлечение отравило его жизнерадостность...

Впрочем, такие увлечения недолго им владели, налетали мятежные страсти, и он отдавался им всецело, легко забывая свою чистую любовь. Тогда он, не без задора, говорит о своем презрении к «черни», понимая под этим словом людей, не одобряющих его эпикуреизма, людей, скованных благоразумием, или приличиям.

Ссылка Пушкина на юг

Юноша-поэт скоро угорел в чаду такой жизни и утомился. Ссылка подошла кстати: за свое свободное поведение он был принужден оставить столицу. Заступничество Карамзина, Жуковского, Энгельгардта (бывшего директора Лицея) сделали то, что «север» (Сибирь, или Соловки) заменен был ему «югом», и Пушкин был отправлен в Екатеринослав служить под начало генерала Инзова.

Приехав на место нового служения, он сейчас же захворал. Мимоездом посетил его Н. Н. Раевский, знавший его по Царскому Селу. Он ехал с семейством на Кавказ и пригласил с собою А. С. Пушкина. Инзов отпустил его, и поэт отправился на Кавказ. Раевские были людьми передовыми, хорошо образованными; они сердечно отнеслись к Пушкину, и в их кругу поэт отдыхал душой после пережитых тревог. Он наслаждался южной природой Кавказа и внимательно присматривался к жизни казаков. (Говорят, что из этой поездки вывез он несколько песен о **Разине**, записанных им лично.) С Кавказа они перебрались в Крым, в Гурзуф. Здесь он интересуется татарами, их песнями и, подражая им, сочиняет песню татар в «**Бахчисарайском Фонтане**». Из Крыма Раевские отправились в свое имение Каменку, а Пушкин в Бессарабию. Пользуясь добротой своего начальника, он, будучи в ссылке, не раз посещал Раевских в их имении. Здесь он встретился с некоторыми будущими **декабристами** и принимал участие в их политических беседах.

Генерал Инзов не обременял Пушкина службой, и у поэта оставалось в кишиневской ссылке много свободного времени. Местное общество не отличалось культурностью, и Пушкин повел себя по отношению к нему вызывающе, высмеивал местную знать, дрался несколько раз на дуэли. В низкой среде Кишинева он опять отдался лёгкой жизни: угар

петербургской жизни на него налетел еще раз. Впрочем, он теперь не завладел поэтом всецело: в южной ссылке Пушкин много читает, стараясь чтением восполнить пробелы своего образования. Кроме того, он сближается с некоторыми передовыми офицерами южной армии. Интересовался он также местными нравами и обычаями, записывал песни и сказания; одно время увлекался **греческим восстанием**. Но все это не заполняло его души, и здесь, на юге, Пушкин скоро узнал приступы «мировой тоски», того чувства, которое пришлось по всему европейскому обществу, выразившись в поэзии **Шатобриана**, **Байрона** и многих других больших и малых «певцов скорби». Пушкин поддался их влиянию. В его тогдашнем творчестве заметно влияние обоих этих певцов «разочарования».

Пушкин в Одессе

Истомившись в полудиком Кишиневе, Пушкин перебрался в Одессу служить под начало графа Воронцова. На первых порах жизнь в шумной европейской Одессе пленила его, он посещает театры, завязывает знакомства, увлекается местными красавицами, особенно госпожой Ризнич. Но вскоре здесь его встретили новые неприятности: он не поладил со своим начальником Воронцовым, который требовал от подчиненных исполнительности и корректности. Ни тем, ни другим Пушкин никогда не отличался; кроме того, он был избалован полной свободой, предоставленной ему в Кишиневе Инзовым. К тому же Пушкин влюбился в жену графа Воронцова, и, кажется, встретил взаимность. Хотя это было и вполне чистое, возвышенное чувство, но, конечно, оно могло только ухудшить отношения между Воронцовым и поэтом. Оскорбленный презрительным отношением графа, пренебрежением к его литературной славе, Пушкин перестал стесняться даже в деловых сношениях с начальством. Тогда граф Воронцов попросил убрать поэта из Одессы на север. Поступить так в Петербурге решили еще до получения просьбы Воронцова, так как в руки московской полиции попало письмо, в котором поэт писал, что «берет уроки атеизма»... В дни, когда высшие круги русского общества отличались религиозностью, такое заявление поэта было, конечно, сочтено преступлением, и в 1824 году Пушкин был отозван из Одессы и поселен в имении отца, селе Михайловском Псковской губернии.

Пушкин в Михайловском

На первых порах здесь, в деревенском затишьи Михайловского, поэт страшно тосковал, его тянуло на юг, где природа так прекрасна, где остались дорогие его сердцу люди.

Но вскоре Пушкин обжился в деревне, стал посещать соседей, особенно сблизился с Осиповой, её дочерьми и сыном, студентом Дерптского университета. В Михайловском он продолжал заниматься самообразованием, редкое его письмо не заключает в себе просьбы прислать ему книг. Пушкин перечитал в это время много произведений

иностранной литературы, внимательно следил за современной русской, изучил русскую историю, познакомился с русскими летописями. К этому времени относится его увлечение [Шекспиром](#), [Вальтер Скоттом](#) и народной русской поэзией. Особенно помогла ему в этом отношении старушка-няня, с которою ему пришлось коротать вдвоем в Михайловском долгие зимние вечера. Она пересказывала ему сказки и пела песни, которые когда-то он слышал от неё в детстве. Конечно, теперь Пушкин серьезнее, чем в детстве, отнесся к народной поэзии, сам стал собирать и записывать народные произведения и всматриваться в народные обычаи – об этом свидетельствуют, хотя бы, его примечания к свадебным песням, записанным им в Псковской губернии. К этому же времени относится возникновение у него интереса к Святому Писанию, в житиям святых. Все эти интересы отразились на его творчестве. Сказался на его произведениях также интерес к поэзии чуждых народов и эпох.

В настроении Пушкина тоже произошли большие изменения: в Михайловском он успокоился и примирился с жизнью, ближе узнав русский народ и его прошлое. За это «примирение» Пушкина упрекали и современники, и некоторые позднейшие критики. Но упреки эти неосновательны. Пушкин пережил на себе то же, что пережила и современная ему западная мысль. [Гёте](#) начал с бурных настроений «Sturm und Drang'a» («[Бури и натиска](#)») и кончил «отречением» (resignation) от мятежных идеалов юности: он стал говорить о «смирении». Гёте говорил: «мне всегда были противны апостолы свободы: в конце концов, каждый из них искал только произвола для себя. Если хочешь освободить многих, то сумей служить им». «Евангелие от Иоанна, – пишет он, – я признаю моим Евангелием и сущность всей мудрости свожу к одному изречению: дети, любите друг друга!». Вот, чем, разрешился его протест. [Шиллер](#), начавший с «[Разбойников](#)», стал звать к такому же «смирению»: «примкнуть к человечеству, найти в его вековом труде маленькую область, маленький уголок и сосредоточить на этой скромной работе всю свою силу». Это правило предлагал он к сведению «тому человеку, который выплыл с целой флотилией в открытое море жизни и возвратился на одной спасательной лодке в тихую пристань». «О человечестве, – пишет Шиллер, – ты никогда не можешь думать достаточно высоко. Как ты носишь эту идею в твоей душе, так ты и выражаешь ее в действиях. Также и человеку, который встречается с тобою в тесном кругу твоей жизни, простирай руку помощи, если он в ней нуждается. Но о благе человеческих поколений, друг, пусть заботится, как вчера, так и сегодня небо, как оно заботится о дожде и росе». Во Франции это «отречение» от идеалов протеста выразилось в возрождении религиозного чувства (Шатобриан, [Ламеннэ](#), [Ламартин](#), Нодье, де

Местр). Всего характернее, что сам Байрон, под конец своего творчества, стал приближаться к такому же смирению, и к отречению.

Возвращение Пушкина из михайловской ссылки

Это новое мирозерцание Пушкина было чисто философским пониманием жизни, признанием в ней наличия добра, которое раньше им не понималось, не признавалось. На почве такого нового мирозерцания развилось у Пушкина и новое понимание средств служения обществу – на прямых, широких и свободных путях. Вот почему он не примкнул к [заговору декабристов](#), и 11-го мая 1826 года подал на имя нового государя [Николая I](#) прошение о снятии с него опалы. 4 сентября он был спешно вызван в Москву, 8-го сентября представлен к государю и был им прощен. Государь говорил с ним долго и милостиво, обещал сам стать цензором его сочинений и поручил его надзору графа **Бенкендорфа**, тогдашнего шефа жандармов. Это был человек исполнительный, но холодный и недоброжелательный: до процветания русской литературы ему дела никакого не было, и потому опека его над Пушкиным оказалась для поэта очень тяжелой. На первых порах этого поэт не заметил и беззаботно наслаждался «волей».

Отношение русского общества и властей к Пушкину

Московское общество поначалу приняло Пушкина с распростертыми объятиями: с ним носились в «свете» и в литературных кругах. Он везде читал свои произведения (особенно [«Бориса Годунова»](#)) и от души радовался тому, что его чтение везде сопровождалось шумным успехом. Его радость была отравлена суровым выговором Бенкендорфа за то, что он осмелился читать «Бориса Годунова», не испросив на это предварительно разрешения Государя. Драма была представлена на высочайший суд, и Государь пожелал, чтобы из неё были выкинуты все народные сцены, и она была обращена в «роман». Пушкин не согласился исполнить этот совет-приказание и на несколько лет запрятал свою драму «под сукно». Им опять овладело тяжелое настроение, его потянуло в деревенскую тишь. Бенкендорф ревниво опекал поэта, часто делая ему замечания. Под влиянием таких неприятностей, Пушкин стал томиться жизнью: он нигде не мог найти себе место, жил то в деревне, то в Петербурге. Он был чужд родной семье, но, в то же время, уже не мог с прежней юношеской жизнерадостностью отдаваться утехам холостой жизни. Он чувствовал себя неизмеримо выше тогдашнего русского общества и литературного, и светского. Наконец, он сознавал, что не исполнились его мечты о независимом существовании, ради которого принесено было столько жертв.

Сватовство Пушкина к Наталье Гончаровой

Утомившись одинокой холостой жизнью, поэт начинает искать прочной любви, которая могла бы создать его семейное счастье. С этой целью Пушкин пытался сблизиться с некоторыми барышнями московского и петербургского света, но все эти попытки долго оставались неудачными.

И вот, судьба свела его с **Натальей Николаевной Гончаровой**. Это была молоденькая, семнадцатилетняя девушка, недалекая и малообразованная, но прекрасная, как **Мадонна**. У Пушкина, по его словам, «закружилась голова», когда он ее увидел, и он решительно пошел к развязке, начав сватовство с матерью пленившей его девушки, и, кажется, не постаравшись заглянуть в сердце и душу самой Натальи. Мать её была человеком очень тяжелым: набожность в старом московском духе и благоговение перед памятью императора Александра не спасли ее от самодурства, деспотизма и недоброжелательства к людям. Она была, во всех отношениях, полную противоположность Пушкину. Поэт, с его славой вольнодумца религиозного и политического, был антипатичен Гончаровой-старшей, но она была не прочь поскорее пристроить свою Наталью. Мать невесты дала Пушкину неопределенный ответ.

Поездка Пушкина на Кавказ

Этот ответ поверг поэта в такое отчаянье, что он вдруг почувствовал потребность бросить и Москву, и Петербург, и удрать куда-нибудь подальше, от знакомых лиц, от знакомых людей... Не испрашивая никаких разрешений, сам не отдавая себе ясного отчета зачем, Пушкин помчался на Кавказ, на **русско-персидскую войну**, в действующую армию, где думал развеять свое горе среди сильных ощущений войны. Всегда впечатлительный и увлекающийся, Пушкин вздохнул на Кавказе свободной грудью: как ребенок, он наслаждался красотами природы и картинами своеобразной кавказской жизни. Он принял деятельное участие и в военных действиях, с отвагой бросался в первые ряды горячей свалки. Главнокомандующий **Паскевич** скоро выразил ему неудовольствие по поводу того, что он не желает слушать его советов. Кроме того, Паскевич был недоволен невниманием поэта к его любезности и его прежней близостью с декабристами.

Исполняя желание Паскевича, Пушкин отправился восвояси на север.

Женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой

На родине его ждали выговоры Бенкендорфа за самовольный отъезд и сухой прием Гончаровых. Тем не менее, в ноябре 1830 года Пушкин сделался женихом Натальи Гончаровой. Потом между ним и будущей тещей начались нелады, которые чуть было не повели к окончательному разрыву. Кажется, под конец, сам Пушкин не прочь был от этого разрыва: от первых очарований в его сердце оставалось немного.

18-го февраля 1831 года состоялась свадьба поэта, и он с молодой женой перебрался в Петербург. На первых порах после женитьбы на Наталье он был почти вполне счастлив, только заботы о деньгах тревожили его с каждым днем все сильнее: Пушкин то хлопочет о разрешении издавать официальный журнал, то намекает, что охотно занял бы вакантное после Карамзина место «историографа», то старается перехватить в долг у друзей, взять вперед за свои сочинения... Его молодая жена совершенно безучастно относилась к хозяйству, великому поэту приходилось хлопотать относительно квартир, ругаться с прислугой. Попутно он устраивал запутанные дела своего безалаберного, опустившегося отца, бесшабашного брата Льва, и родственников жены... Немудрено, что творчество Пушкина стало погасать. К этому времени относится вторичное принятие его на службу в министерство иностранных дел; кроме того, с разрешения начальства, он теперь занимался в архивах **«Историей Петра Великого»**.

Жена Пушкина

В угоду молодой красавице-жене, Пушкин повел широкий, светский образ жизни. Он гордился своей женой и на свою голову баловал ее. Недавно еще скромная, тихая, патриархально воспитанная девушка, Наталья скоро втянулась в шумную жизнь «большого света». Для этой жизни у неё не доставало ни ума, ни такта, ни знания людей. Она сразу стала делать промахи, которые огорчали и смущали поэта. В письмах его к жене мы встречаем по этому поводу ряд советов и просьб... Между тем, Пушкин не знал покоя в погоне за деньгами. Занимаясь историей Петра Великого, он вдруг увлекся **пугачевским бунтом** и, желая изучить вопрос на месте, отправился странствовать в Казань и Оренбург. Письма его к жене полны тревоги за нее, ревность уже росла в его сердце. В 1834 году Пушкина сделали камер-юнкером. Это придворное звание, предоставлявшееся обычно молодёжи, было ему не по летам, и поэт был недоволен им. Зато ликовала жена: она радовалась тому, что будет блистать на придворных балах, что теперь попала в самый высокий круг русской аристократии.

Эта знать была почти сплошь интернациональна, до русской литературы ей не было никакого дела. Немудрено, что на Пушкина здесь смотрели лишь как на «выскочку», и мстили ему тонкими и злыми выходками. Это бесило его, но очаровательная Натали ничего не замечала и веселилась напропалую. Настроения поэта делаются теперь все мрачнее, замирает его смех, порою омрачается его оптимизм...

Друзья и взгляды Пушкина в последние годы

Он отдыхал душой только в кругу избранных друзей: Жуковский, [Вяземский](#), [Гоголь](#), – вот его друзья-литераторы; Нащокин, Соболевский его приятели, с которыми он делился всеми многочисленными горестями и редкими радостями жизни... Хорошо чувствовал себя Пушкин также в салоне Смирновой (урожденной Россет). Здесь собирались все друзья поэта, сюда приходили иностранцы-дипломаты.

В теплой, сердечной атмосфере этого интеллигентного общества Пушкин отдыхал душой, и свободно раскрывал самые заветные свои мысли. Сделавшись теперь искренним христианином, он много говорил о религии. Он обнаружил глубокое знакомство с всемирной и русской историей, в оценке русской и западной литературы он не знал себе в России соперника. Даже иностранцев поражал его «европейский ум, широкий и глубокий». Французский посланник Барант, сам известный историк, говорил о нем с благоговением, утверждая, что он – «великий мыслитель», что он «мыслит, как опытный государственный муж». Великий польский поэт **Мицкевич** в некрологе Пушкина писал: «Пушкин удивлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума; он обладал громадною памятью, верным суждением, изящнейшим вкусом. Когда он рассуждал о политике иностранной и внутренней, казалось, что говорит поседельй, деловой человек, питающийся ежедневно чтением парламентских прений. Речь его, в которой можно было заметить и зародыши будущих его произведений, становилась всё более серьезной. Он любил разбирать великие религиозные и общественные вопросы, само существование которых было, по-видимому, неизвестно его соотечественникам».

Дуэль Пушкина с Дантесом

Развязка в жизни Пушкина приближалась. Французский эмигрант **Дантес**, принятый государем в Кавалергардский полк, стал слишком явно ухаживать за женой Пушкина, та отвечала обычным для неё кокетством... Поэт был уверен в своей жене, но, зная злобное отношение к нему света, больше, чем следовало, боялся сплетен и слухов. Однажды он и его знакомые получили анонимные пасквили, в которых набрасывалось пятно на честь его и его жены. Поэт вспылал, позволил себе несколько резкостей и вызвал Дантеса на дуэль. Потом дело стало заминаться, но вскоре опять возникло, и 27 января 1837 г. между Дантесом и Пушкиным состоялась дуэль, на которой поэт был смертельно ранен и скончался 29-го января.

Было много людей, искренне оплакавших поэта, но в высшем свете нашлись и такие, которые злорадствовали. По их адресу [Лермонтов](#) направил свою страстную элегию-сатиру: «[Смерть поэта](#)».

